

Источник: Абрамов Ф. А. Всегда ли надо жалеть? / Ф. Абрамов // Собрание сочинений : в 3 т. / Ф. Абрамов. – Ленинград, 1982. – Т. 3 : Повести. Рассказы. Трава-мурава. Литературные портреты. Статьи. Выступления. – С. 584–588.

ВСЕГДА ЛИ НАДО ЖАЛЕТЬ? ¹

Признаюсь, название новой повести А. Яшина меня несколько смутило поначалу. Смутило и озадачило. Как! Неужели еще один вариант горемычной судьбы обездоленного человека? Ведь сколько слез было пролито над сиротой еще в классической литературе! А советские романы и повести из народной жизни? Много ли найдется у нас книг, в которых так или иначе не была бы затронута эта тема? Но вот прочитаны первые страницы, и от первоначальных опасений не осталось и следа.

В повести А. Яшина действительно речь идет о сироте, и даже не об одном, а о двух сиротах — мальчиках,

¹ Рецензия на повесть А. Яшина «Сирота».

которые сперва лишаются отца, убитого на фронте, а затем лишаются и матери, преждевременно погибшей от недоедания и непосильной работы в колхозе. Но в том-то и особенность А. Яшина-прозаика, что, отталкиваясь от традиционных, примелькавшихся образов и ситуаций, он дает им совершенно новый и неожиданный поворот. Так и в этой повести.

«Как это ни странно,— пишет автор,— а после смерти матери и детям и бабушке стало жить сразу намного легче. Заметно изменил к ним свое отношение председатель колхоза... О сиротах вдруг все начали заботиться.

Райсобес назначил им денежную пенсию. Сельсовет освободил от молоканалага». Не оставили своими заботами сирот и соседи: кто даст им кусок пирога, кто горшок каши, кто обноски детской одежки или старые обувки.

Казалось бы, все естественно: люди помогают сироте. Но тут-то А. Яшин и настораживает читателя, заставляет внимательно взглядеться, какие изменения происходят в психологии сироты. Нет, не благодарностью и добросердечием отвечает на заботы людей старший из братьев — хитрый и цепкий Пашута Мамыкин. Вывод, к которому он приходит, поистине удивителен: быть сиротой не так уж и плохо.

В самом деле, не успевает ленивый Пашута в школе — к нему прикрепляют лучшего ученика (списывая себе знай с его тетрадей), попадает Пашута в ремесленное училище — и там та же опека. А когда он получает пустячный ушиб в мастерской, с ним происходят буквально чудеса. Пашуту лечат в больнице — очень понравилось ему быть «здоровым больным», — затем отправляют в дом отдыха, Пашута целое лето, ничего не делая, набирается сил в деревне, затем следуют один за другим курорты... Словом, Пашута Мамыкин, как остроумно замечает автор, становится своего рода «номенклатурным больным», в совершенстве овладевая искусством слезного попрошайничества, лицемерия, угодничества и угрозы.

В адрес начальства от него идут непрерывные просьбы и заявления, неизменно заканчивающиеся жалобными словами: помогите, пожалейте сироту. Наоборот, с людьми рангом пониже у него другой разговор — тон нахальной требовательности: подай, сделай. А если и этого

недостаточно, можно нагнать страху с другого конца: «Это ли не антигосударственная практика?» — кричит он на старую женщину-врача, которая заподозрила его в симуляции.

И вот финал повести, финал логичный и закономерный: Павел Мамыкин заносит руку уже на самое святое — на отцовский дом, на родину — именно так воспринимается дележ родительского дома, который затевает Павел.

Так добрые намерения людей оборачиваются обратной стороной.

Нет, тут не отделаешься привычным штампом — пережиток капитализма. Писатель обращает внимание на иные причины появления в нашем обществе любителей пожить за чужой счет. Неразборчивая жалость и сострадание, не в меру растрачиваемая доброта — и в этом мы уже убедились раньше — вот та почва, на которой произрастают Павлы Мамыкины. И в том, что Павел становится хапугой и иждивенцем, в этом оказываются виноватыми и бородатый мужик, который, не разобравшись, вступает за маленького Пашутку, когда тот затевает драку с ребятами («Не трогайте его, ребята: он сирота»), и учителя школы, прощавшие ему безделье и подхалимство, и директор ремесленного училища, занимающий не свое место, и инструктор областного совета профсоюзов, не в меру сердобольная Людмила Константиновна, которая за свой счет везет его в дом отдыха, и, конечно же, бабка Анисья и брат Шурка с их слепой, безотчетной любовью к Павлуше.

Да, на многие раздумья наводит новая повесть А. Яшина. Всегда ли надо жалеть? Всегда ли стоит терпеть лишения, приносить себя в жертву ради помощи ближнему? Кого и когда надо поддержать? Почему тунеядец и тупица получал от людей и от жизни все, а подлинно ценные люди деревни — люди большого трудолюбия, чистой совести и богатой души, такие, как Шурка и Нюрка, были лишены должного внимания и поддержки? А ведь именно их-то и надо было учить, беречь и ценить. Произошло как бы смещение ценностей: растили и вскармливали сорняк, а доброе зерно осталось без хозяйского присмотра.

Нужно, однако, сказать, что в этих сложных вопросах писателю самому не удалось до конца разобраться. И просчет здесь не в том, что образам Шурки и Нюрки

не хватает подчас плоти и крови,— вещь, в конце концов, допустимая для второстепенных персонажей. Вызывает недоумение другое: то, что принято называть концепцией образа,— их какая-то изначальная пассивность и покорность. Правда, Шурка на последних страницах повести восстает против брата-бездельника. Но какой ценой обретает он свою зримость!

«Он не только уважал его (Павла. — Ф. А.), — читаем мы, — он даже восхищался им. А то, что брат имел право ничего не делать с утра до вечера, вызывало в нем какое-то даже особое расположение к нему и особую предупредительность в отношениях. «У каждого своя судьба, — думал он, — не всем же быть образованными».

Откуда у советского парня-работяги такое благоговение перед дармоедом? И вообще, не слишком ли старомодны в его устах рассуждения о судьбе?

Но, оказывается, Шурка не исключение. С тем же благоговением и «даже с оттенком подобострастности» смотрят на школьников и взрослые колхозники: «Кто их знает, может, все в начальники выйдут и если не устроятся где-нибудь на районных постах, то в своем колхозе все равно сядут в контору, а с этим шутить нельзя».

Здесь, конечно, явный пережим, пережим тем более, что речь идет о школьниках семилетки. Да и вообще, с каких это пор семилетнее образование стало диковинкой для послевоенной деревни?

Есть, на мой взгляд, известный пережим и в описании председателя колхоза Прокофия Кузьмича и его родственника Ивана Тимофеевича, этих непосредственных учителей Павла Мамыкина, которые «сиротскую» психологию возвели в своего рода философию по обворовыванию государства. Сами по себе фигуры эти очерчены хорошо, но уж слишком цинично и откровенно выворачивают они свою обывательскую душонку. И не здесь ли надо искать причину того, что и образ Павла — несомненно большая и принципиальная удача автора — грешит порой некоторой прямолинейностью и заданностью, в ущерб психологической сложности и глубине?

Вероятно, можно было бы отметить и еще кое-какие недостатки автора. Повесть, например, явно перегружена подробностями из деревенского быта, в общем-то

известными нам по так называемой крестьянской прозе 20-х годов. Но все это, как говорится, частности.

А главное — А. Яшин написал умное и смелое произведение, вызванное к жизни глубокими раздумьями писателя о сегодняшнем дне.

1963